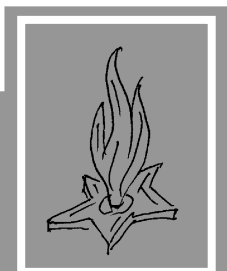

Альбина Нурисламова

12

Катился апельсин

пьеса в трёх действиях

Действующие лица:

Алексей Петрович – ветеран Великой Отечественной войны, 88 лет
Галина Алексеевна – его дочь
Иван Данилович – её второй муж
Елена – дочь Галины Алексеевны
Альберт – её муж
Лёлик – их пятилетний сын
Василий Васильевич – зять Алексея Петровича,
был женат на его покойной дочери Лидии
Андрей – сын Василия Васильевича
Наталья – жена Андрея
Егор – их сын-подросток
Гузель – одноклассница и подруга Егора

Действие первое

Одна из комнат в сельском доме Алексея Петровича. Обстановка, характерная для 70–80-х годов прошлого века. На стенах – вышивка и фотографии в рамках, на подоконнике – цветы в горшках, на полу – коврики. Зеркало в углу занавешено. День похорон, поэтому все одеты в траурные костюмы и платья, у женщин на головах чёрные платки.

Явление первое

Галина Алексеевна осторожно ведёт под руку Алексея Петровича. За ними – Иван Данилович.

Галина Алексеевна (*усаживая отца на диван возле стола*). Вот так, папа, тихонько. Садись.

Алексей Петрович. Спасибо, Галочка. И ты присядь, устала от беготни. Хлопот-то сколько.

Галина Алексеевна (*садится рядом с ним*). И не говори... (*Мужу.*) Иван! Что ты, как памятник!

Иван Данилович берёт стул, ставит напротив них, садится.

Галина Алексеевна (*мужу*). Тебе не скажешь, ты и не сделаешь.

Алексей Петрович. Строгая она у нас, да, Иван? С детства такая. Всё по линейке – тетрадки, книжки. Всюду первая, аккуратистка, круглые пятёрки... Но один раз, помню, двойку принесла. По математике контрольную плохо написала. Большая уж была, класс пятый-шестой. Навзрыд рыдала. Лидочка другая была, непоседа, одно слово – веретено. И хохотунья – в Нью-Йорк. Теперь вместе... Нескучно им, наверное, там вместе-то. (*Опускает голову, прикрывает лицо ладонью.*)

Галина Алексеевна (*обнимает его*). Папочка, успокойся, мой хороший. Ну, пожалуйста! Не могу смотреть, как ты... Сама сейчас расплачусь!

Иван Данилович. Галочка, тебе нельзя. У тебя сердце.

Алексей Петрович. Не буду, не буду. (*Вытирает платком глаза.*)

Галина Алексеевна (*махнув рукой*). Какое там сердце! Как мячик – стук-стук, стук-стук, колотится. Тахикардия ужасная – ночью уснуть не могу. Давление подвести. Бывает, еле хожу, такая слабость.

Алексей Петрович. Ты, дочка, не шути с этим. Лечись, как врачи говорят.

Галина Алексеевна. Ой, пап, сейчас жизнь-то! Лечись не лечись. Кругом одни стрессы, нервы.

Иван Данилович. В самолёте вчера летели – побледнела вся.

Галина Алексеевна. Перелёты с моим диагнозом, конечно, противопоказаны. Там такой перепад давления, что о-го-го! Доктор, у кого я наблюдаюсь, отговаривал. Но я сразу сказала: лечу – и точка! Неужели могла бы не приехать на мамнины похороны? (*Обнимает отца за плечи.*)

Алексей Петрович. Спасибо, Галочка.

Иван Данилович. Такой уж человек. Ей недавно заслуженного дали!

Галина Алексеевна. Вань, я им с мамой говорила.

Алексей Петрович. Я уж позабыл. Голова не та стала. Нью-Йорк мне: ты чеснок-то выкопал? Вскинулся – нет! А он уж помёрз весь.

Галина Алексеевна. Чеснок, чеснок... Ты бы поменьше в огороде-то торчал. И солнце, и ветер, и нагрузки физические. В твоём возрасте себя беречь надо.

Алексей Петрович. А зачем, Галочка? Пожил уже, слава богу. Пока с Нью-Йорком вдвоём были, держались друг за дружку, подпирали один другого – ладно, скрипели, никому не мешали. Теперь Нью-Йорк ушла – чего мне одному-то беречься? Наоборот, думаю, позвала бы меня скорее, что ли?

Иван Данилович. Что это вы удумали?!

Галина Алексеевна (одновременно с мужем). Папа! Ты что такое говоришь! Как не стыдно. «Позвала бы!» Маме бы твоё настроение не понравилось. И вообще, я тебя очень прошу, если что-то почувствуешь – слабость, боли, ещё что – тут же сообщи! Немедленно! С мамой дотянули до последнего. А ведь я каждый раз звонила, спрашивала: как ты? Как самочувствие? Но у неё всё всегда хорошо, всё лучше всех. Вот и дотерпелась. *(Достаёт платок, всхлипывает.)*

Иван Данилович *(вздыхает)*. Всё надо вовремя делать.

Алексей Петрович *(глядит дочь по голове)*. Ничего, Галочка, ничего. Вы бы приезжали почаще. А то и оставайтесь, живите.

Галина Алексеевна и Иван Данилович переглядываются.

Галина Алексеевна. Я бы рада, правда. Но у нас квартира, работа. Как бросишь?

Иван Данилович. Да, на пенсию не проживёшь.

Галина Алексеевна. Только не обижайся, пап. До девятого дня сможем побыть, а на сороковой уж...

Явление второе

В комнату входят Елена с сынишкой.

Галина Алексеевна. Кто к нам пришёл! Лёлик! *(Протягивает к внуку руки, но он жмётся к матери.)*

Елена *(ребёнку)*. Иди к бабуле, сынок! *(Матери.)* Стесняется. Мы с Наташей со столов убираем. Пусть он тут побудет, чтобы под ногами не путался.

Лёлик так и стоит возле матери.

Галина Алексеевна. Все разошлись?

Елена. Сидит там один... как его, мордастый такой...

Алексей Петрович. Михаил?

Елена. Да, Миша. Остальные ушли.

Галина Алексеевна. Всё с Васей и Андреем про политику не наговорятся. Пьяные?

Елена. Выпили немножко.

Галина Алексеевна. Немножко! Знаем мы это немножко!

Елена. Наташа нервничает.

Алексей Петрович. Замучилась. Третий день на ногах. Всё на ней. От меня какой толк?

Галина Алексеевна. Ты, папа, вечно скажешь! Будто она одна тут всё делает!

Елена. Пойду. Мама, присмотри за Лёликом. *(Сыну.)* Солнышко, иди к бабушке. *(Легонько подталкивает его.)*

Мальчик подходит к Галине Алексеевне, она обнимает малыша, сажает на колени.

Галина Алексеевна. Лёлик, зайчик мой!

Елена. Ничего, сейчас освоится.

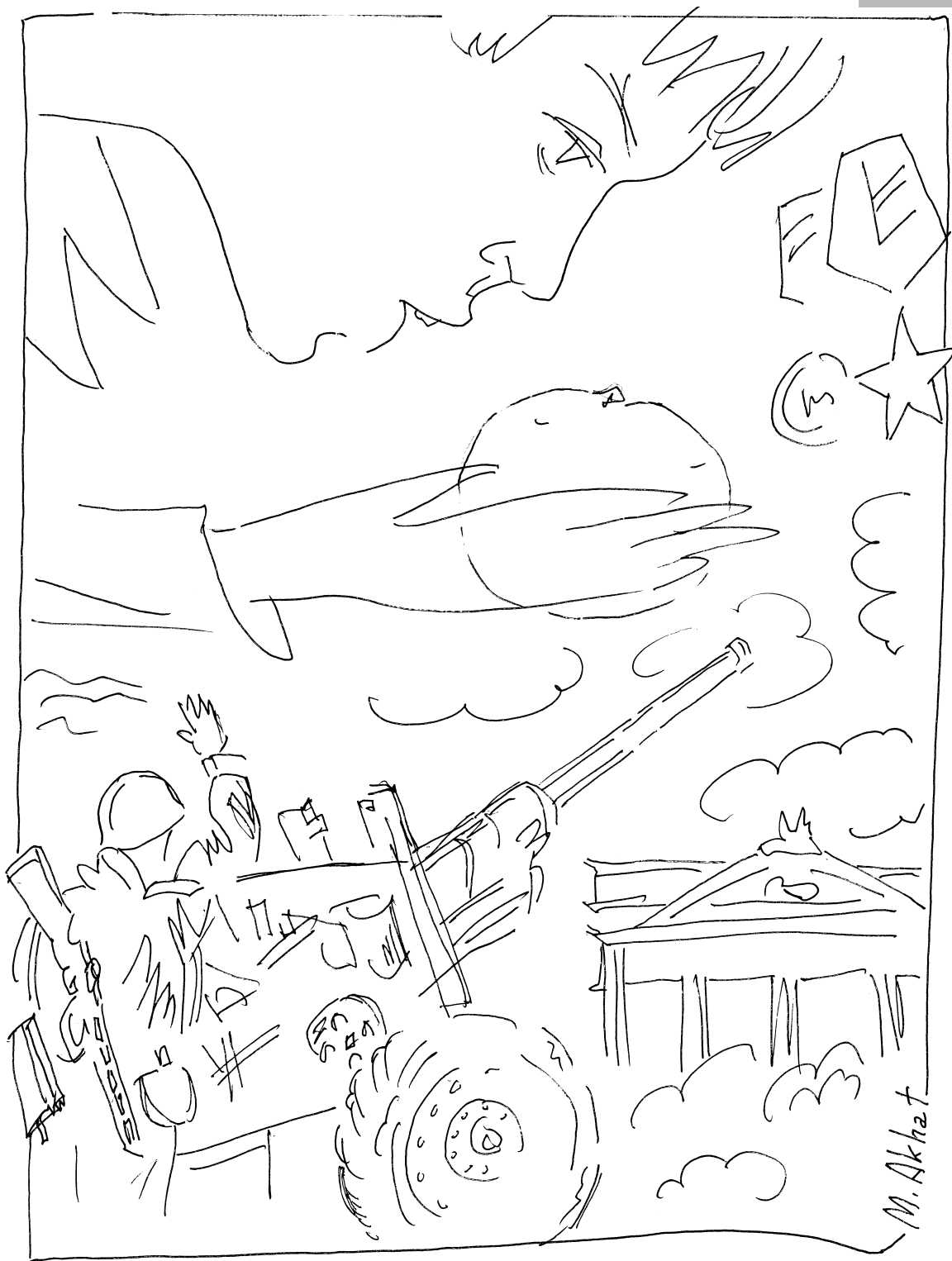
Идёт к двери.

Галина Алексеевна. Лена, погоди! Где его игрушки? Мы целый пакет привезли!

Елена. Дома оставила, забыла.

Галина Алексеевна. Ты как всегда! Чем теперь прикажешь ребёнка занять?

Елена *(показывает рукой)*. Там на полке альбом, раскраски и фломастеры. Лёлик, порисуй, хорошо? А мама потом посмотрит, что ты нарисовал! *(Выходит из комнаты.)*

M. Akhat

Явление третье

Галина Алексеевна. Иван, что ты сидишь? Поддай ребёнку раскраски. (*Лёлику.*) Будешь рисовать?

Лёлик кивает, слезает с её колен, садится за стол. Иван Данилович поднимается, кладёт на стол раскраски, альбом, карандаши.

Иван Данилович. Послушный мальчик.

Алексей Петрович. За Нюрой хвостом ходил. Лопочет с ней что-то целыми днями, лопочет... Курей кормили, кошку, в огороде копошились. Нюра любила, когда Лена его привозила. Редко только бывали.

Галина Алексеевна. Я считаю, Альберт должен был на похороны приехать. Дела делами, но мы же всё бросили.

Иван Данилович. Галочка, это не его мать.

Галина Алексеевна. И что? Мы одна семья, в такие минуты должны быть вместе.

Иван Данилович. Так-то оно так.

Галина Алексеевна. Знаю, что ты скажешь. Что он денег больше всех дал на похороны.

Иван Данилович. Да я и не...

Галина Алексеевна (*перебивает*). Дал – спасибо. У него и возможности другие, не как у нас. И тем не менее мог бы уважить. А то получилось, что игнорирует.

Явление четвёртое

В комнату входят Василий Васильевич, Андрей, Егор. Рассаживаются кто куда. Егор садится за стол возле Лёлика. Малыш радуется брату, тут же принимается что-то показывать ему на рисунке.

Андрей (*чересчур громким голосом*). Бать, чего она такая злая? Сидели спокойно, разговаривали – нет, надо было взять и раскричаться.

Василий Васильевич. Ты бы потише, Андрюша.

Галина Алексеевна. Вот именно. Не свадьба всё-таки.

Иван Данилович. Понимание надо иметь.

Андрей. Извини, дед. (*Пересаживается на диван рядом с ним.*) Я бабу Аню так люблю... Душевная она у нас была, добрая, да?

Галина Алексеевна. Не приставай к нему! Выпил – сиди тихо.

Андрей. Вот ты, тётя Галя... Да, выпил маленько! Так это ничего, за помин души полагаются. «Сиди тихо»! Ты не на уроке, а я не школьник. У меня вон у самого сын какой. (*Оборачивается в сторону Егора.*) Просто хочу с дедом поговорить, бабу Аню вспомнить. Детьми были, нас с Ленкой каждое лето сюда отправляли.

Василий Васильевич. Теперь выбираемся раз в сто лет. Ладно, Галя с Ваней за тридевять земель. А мы-то в паре часов езды, да вот... (*Прислушивается.*) Отец, не пойму, что это стучит всё время?

Алексей Петрович. Ставень отвалился. У окна, которое в зале. Руки не дойдут приколотить.

Василий Васильевич. Прибью завтра. На нервы действует.

Андрей. Дед, знаешь, за что я бабу Аню больше всего уважаю?

Алексей Петрович поворачивается, смотрит на него.

Андрей. Знаешь? За независимость суждений.

Иван Данилович. Вот сказал!

Галина Алексеевна выразительно вздыхает.

Андрей. Верующая была – так или не так?

Василий Васильевич. Ну.

Андрей. А в церковь не ходила!

Василий Васильевич. Так раньше не было церкви-то. Сломали.

Андрей. Потом построили, а она всё равно не ходила. Дома, перед иконами молилась. Я говорю: «Чего в церковь не пойдёшь?» А она: «Бог, – говорит, – не на небе и не в церкви – в сердце. Зачем далеко идти, чтобы с ним поговорить? Чтобы люди видели, будто ты набожный, поклоны бьёшь, обряды чишь?»

Егор. Протестантка, наверное, была.

Василий Васильевич. Что ты городишь? Какая протестантка?

Егор. Такая. Мы по общественнознанию проходили. Протестантам посредники между собой и Богом не нужны.

Иван Данилович. Не знаю... Я человек не религиозный, но зачем-то же народ веками храмы строил! Знали, наверное, что делали.

Егор. Обычное стадное чувство. Всем вместе, скопом, не так страшно. Оглянулся по сторонам – вон нас сколько, грешников.

Галина Алексеевна. Типичный подростковый максимализм. Лёлик, зайчик, что ты рисуешь?

Лёлик (*не отрываясь*). Домик с ёлочкой и маленького мишутку. Нас в садике учили.

Иван Данилович. Ишь ты! Молодец.

Алексей Петрович. Не хотела она в ненамоленное место ходить. Говорила, в новой церкви, как в магазине. Прилавки стоят, бабы образами и распятиями торгуют.

Андрей. Правильно! Что это за вера? Священника звали отпевать – всё по преискуранту. Как в бане! А если нет у меня денег? Ну, вот нету! Что мне – прямоком в ад отправляться, неотпетому?

Галина Алексеевна. Прекрати паясничать, пожалуйста!

Андрей. В этой вашей церкви и иконы-то игрушечные. Лубочные картинки. Нарисованными глазёнками луп-луп. Какая там святость! А у бабы Ани – посмотрите! В каждой душа светится, глаза живые.

Алексей Петрович. Нюра один раз сходила поглядеть. Потом ещё раз пошла – большой образ Николая Чудотворца отнесла.

Галина Алексеевна. Да, мама такая была. Щедрая, всем помочь хотела. (*Снова достаёт платок, всхлипывает.*)

Явление пятое

В комнату заглядывает Елена.

Елена. Лёлик, ты как тут? Слушаешься бабушку?

Лёлик сразу срывается со стула, бежит к матери. В руках у него альбом.

Лёлик. Смотри, что я нарисовал!

Елена. Умничка, солнышко! Я попозже посмотрю, ладно? Нужно помочь тёте Наташе посуду помыть.

Лёлик. Ты уже помогла!

Елена. Потерпи немножко, котёнок. (*Целует сына в щёчку.*)

Лёлик. Когда папа придёт?

Елена. Папа на работе. Посиди ещё десять минут, хорошо? (*Хочет уйти.*)

Лёлик (*не отпускает её*). Не хочю посидеть! Пить хочю! Сок!

Елена. Сока нет, только компот.

Лёлик. Компот невкусный!

Елена (*обращаясь ко всем, виновато*). Устал, днём не поспал, вот и капризничает.

Галина Алексеевна (*дочери*). Я апельсины привезла – хорошие, сочные. Может, он их будет?

Елена. Лёлик, дать тебе апельсинчик?

Лёлик. Дать. (*Идёт обратно к столу.*)

Елена скрывается за дверью.

Галина Алексеевна (*громко, ей вслед*). Я их помыла, в вазу сложила и поставила...

Елена (*возвращается в комнату с вазой, полной апельсинов, и ножом*). Уже нашла, мама. (*Ставит вазу на середину стола.*) Вот, угощайтесь. (*Лёлику.*) Кушай, я скоро приду. (*Егору.*) Поможешь ему?

Егор кивает. Елена выходит.

Явление шестое

Егор чистит и нарезает апельсин, передаёт дольки Лёлику.

Иван Данилович. Терпение нужно с детьми-то.

Андрей. Баловать их поменьше надо, вот что.

Егор. Ещё кто-нибудь хочет? (*Никто не отвечает.*) Дед Лёша, будешь?

Алексей Петрович. Ну, давай, что ли. Спасибо.

Лёлик. Сам достану!

Ребёнок тянется к вазе, делает неосторожное движение, фруктовая горка распадается, апельсины катятся по столу. Егор, Иван Данилович и Лёлик ловят их, складывают обратно.

Лёлик (*смеётся*). Как мячики!

Галина Алексеевна (*внуку*). Ты наелся?

Лёлик. Ага.

Галина Алексеевна (*встаёт с дивана, подходит к нему*). Пошли, ручки моем. И спать.

Лёлик (*убирает руки за спину*). Хочу с мамой!

Галина Алексеевна. А мы к маме и пойдём! Дай бабуле ручку, будь умницей. (*Говорит словно бы сама с собой, ни к кому не обращаясь.*) Конечно, ребёнок весь измучился. Что ему тут сидеть, слушать? (*Лёлику.*) Бабуля тебе сказку расскажет. Ты про кого больше любишь? (*Продолжая уговаривать внука, Галина Алексеевна выводит его из комнаты.*)

Явление седьмое

Егор (*пододвигая к Алексею Петровичу очищенные апельсиновые дольки*). Дед Лёша, это тебе, ешь.

Алексей Петрович. Спасибо, Егорша. (*Водит рукой по столу, пытаясь нащупать.*)

Егор (*быстро помогая ему*). Вот же, дед! Ты где ищешь-то?

Алексей Петрович. Не увидел.

Егор. Очки, наверное, посильнее надо.

Алексей Петрович. Да тут хоть какие надень... Это после контузии – то хорошо вижу, то будто пелена на глазах. Я уж привык.

Какое-то время все сидят молча.

Андрей. Башка болеть начала.

Василий Васильевич. Трезвеешь, вот и болит.

Андрей. Слушайте, может, тяпнем ещё по чуть-чуть?

Иван Данилович. Я теперь совсем не пью. Подагра.

Андрей *(с усмешкой)*. Тебе такая подагра досталась, только держись... Шучу, шучу. Но вообще-то при подагре водку можно.

Василий Васильевич. Наташа сердиться будет. Не надо, Андрей.

Андрей. Нет так нет. Не хотите – не надо. Голова только болит. *(Алексею Петровичу.)* Дед, ты прости. Я ведь так-то не пью, ты знаешь.

Алексей Петрович. Знаю, Андрюша. Но иногда нужно.

Андрей. Вот-вот... *(Помолчав.)* Баба Аня меня плавать научила. Заходила со мной в воду, я руками-ногами колочу – воды почему-то страшно боялся. Ничего, мало-помалу освоился. Всех пацанов потом обгонял, когда наперегонки заплывы делали. Ещё, помню, как-то меня сосед побил, Мишка, – сейчас с ним сидели. Отличный мужик, между прочим... Так вот, подрались мы с ним. Пришёл домой, реву. Уеду, говорю, отсюда к чёртовой матери! Что это за каникулы, когда мордой об асфальт. *(Усмехается.)* Баба Аня меня, как леопарда, зелёнкой намазала с ног до головы, рубашку зашила. Если, говорит, уедешь сейчас в город, то больше уж не вернёшься. Получится, струсил.

Егор. Остался?

Андрей. Остался, конечно.

Иван Данилович. Вот в кого у Галочки педагогические способности.

Андрей. Так и дед Лёша-то сорок лет учителем проработал!

Иван Данилович кивает.

Василий Васильевич. Нас так раньше воспитывали: умри, но не сдавайся. Это сейчас все выгоду ищут.

Андрей. Вживаемся в обстоятельства – теперь такая направленность. А они... Мы привыкли – ну, ветераны и ветераны. Ушли на фронт, воевали, победили. Но ведь эти старики с авоськами в руках, которые сейчас пенсионные копейки экономят, семьдесят лет назад историю делали. Такая глыба, такая мощь, если вдуматься! Дух захватывает. Целое поколение героев. У них и лица-то!.. Гляньте!

Встаёт, показывает на фотографию Алексея Петровича и Анны Федотовны, висящую на стене. Остальные тоже оглядываются, смотрят.

Андрей. Нездешние, вдохновенные! С таким лицом на подлость не пойдёшь.

Иван Данилович. Время другое – и люди другие.

Андрей. Было в них что-то, чего в нас нет. Такое прошли, а заслугами своими в глаза не тычут. Зато сейчас то и дело – этот выделил, тот пожертвовал...

Иван Данилович. Это благотворительность. Чего ты её сюда приплёл?

Василий Васильевич. Он к тому, что иной сделает на полушку, а расскажет на пятак.

Андрей. Верно, отец! Не последнее ведь отдают – так чего кичиться? Хочешь помочь – помогай, нечего себя в первый ряд выпячивать, за каждый чих грудь под медали подставлять. У деда Лёши наград, как у Брежнева. Да, дед? Спереди и сзади увешаться можно. А кто видел, чтобы он их носил?

Иван Данилович. Скромный человек.

Андрей. Я иногда думаю: а мы, сегодняшние, смогли бы тогда победить? Как думаешь, дед?

Василий Васильевич. Чего ему думать? Он свою войну выиграл.

Алексей Петрович. Пойду лягу. А вы сидите.

С трудом встаёт с дивана. Андрей вскакивает, помогает ему.

Андрей. Егор, проводи-ка деда.

Егор подходит к деду, берёт под руку, они вместе идут к выходу.

Явление восьмое

Василий Васильевич. Петрович в последнее время сдал.

Иван Данилович. Так под девяносто уже. Что ему – прыгать?

Василий Васильевич. Я не о том, что прыгать, а без Анны Федотовны, говорю, сразу сдал.

Иван Данилович. Что ты хочешь, всю жизнь как две горошины в стручке. И вообще, мужчины одни плохо управляют. Женщина овдовеет, поплачет, смотришь: встряхнулась, оправилась – и ничего, бегаёт. Ещё и мужичок какой к ней прилепится.

Василий Васильевич. Мы с Лидочкой тридцать лет прожили. Сына женили, внука дождались. Думали, стариться вместе будем. А вышло? Я старюсь, а она раз – и сгорела. И сам не у дел остался, вроде приживалки.

Андрей. Отец, не надо, а? Иван Данилыч, что ты начал-то?

Иван Данилович. Да я не в этом смысле...

Андрей. Заметили, о войне речь зашла – дед сразу ушёл. Не любит об этом говорить.

Василий Васильевич. Говорить не говорит, а память не отпускает. Лидочка говорила, ему постоянно война снится. Сколько лет прошло – всё воюет. То Ахмету кричит: «Стой! Не ходи туда!», то ещё что... Бывает, и плачет.

Иван Данилович. Такое даром не проходит.

Василий Васильевич. Ахмет этот – товарищ его, вместе воевали. Тоже отсюда, из Татарстана. В сорок пятом погиб, перед самой победой. Сунулся в окно, а в доме фашист.

Андрей. Дед как-то рассказывал. Одна пуля – и целый род в землю ушёл! Если б та пуля деду Лёше досталась, мы бы тут не сидели.

Иван Данилович. Что-то тебя на философию потянуло.

Андрей. Договаривай: с пьяных глаз. Если и так! Иначе с ума можно сойти. На сухую что? Пыхтим и кашляем. Правильные слова говорим. Вежливые. Что положено, что от нас люди ждут, то и выдаём. А выпьешь – всё со дна души взбултыхнётся и выплеснется.

Иван Данилович. Смотри, не затопило бы.

Андрей. Ладно тебе, Иван Данилыч. Не подковыривай.

Явление девятое

Открывается дверь, в комнате появляется Наталья. Поверх платья на ней фартук, тёмная косынка сбилась на бок. Вид усталый и озабоченный.

Наталья. Вы спать собираетесь или нет? Я в пять утра встала! Убегалась, как савраска.

Андрей *(подходит к ней, обнимает за плечи).* Не сердись. Скажешь – пойдём спать. Где ложиться?

Наталья. Где постелю, там ляжешь. Иван Данилыч, вас Галина Алексеевна зовёт.

Иван Данилович (*торопливо встаёт*). Куда?

Наталья. Вы все вместе в дальней спальне.

Иван Данилович спешит к двери.

Наталья. Потихше, Лёлик спит уже.

Иван Данилович (*выходя*). Понял.

Наталья (*мужу*). Разложи нам троим диван и кресло. Я думала, папа с Алексеем Петровичем в его комнате лягут, а Егору тут постелим, в кресле. Но ему взбрело в голову с дедом ночевать. Лишь бы поперёк сделать.

Андрей. Пускай спит, где хочет.

Василий Васильевич. Наташа, я кресло разберу.

Расходятся по комнате, готовясь ко сну.

Явление десятое

В небольшой спальне – две кровати. На одной – Алексей Петрович, на другой – Егор. Горит только ночник, поэтому в комнате полумрак.

Егор. Дед! Не спишь?

Алексей Петрович. Не сплю.

Егор. Можно, спрошу?

Алексей Петрович. Спрашивай, конечно.

Егор. Вот ты воевал. Всю войну прошёл.

Алексей Петрович. Не всю. С сорок второго.

Егор. Не важно. Дед Лёш, тебе... приходилось людей убивать?

Алексей Петрович. Как тебе сказать... (*После некоторой заминки.*) Я ведь, ты знаешь, в артиллерии был, дальнобойной. На батарее гаубиц. И лицом к лицу с врагом не сталкивался. Не видел, по кому стрелял. Понимаешь?

Егор. А я подумал, может, поэтому не любишь про войну рассказывать.

Алексей Петрович. Что про неё рассказывать-то? Всё уже по телевидению показали. Фильмов сколько, передач...

Егор. К нам на классный час ветеранов приводят, они вспоминают, как воевали.

Алексей Петрович. На классный час... (*Тихонько хмыкает.*) Война, Егорша, тогда и была вся наша жизнь. А жизнь, она разная – и красивое в ней есть, а есть смешное, страшное. Если только с одного боку возьмёшь – неправда выйдет. А всё целиком... (*Умолкает, задумавшись.*)

Егор. Дед...

Алексей Петрович (*словно не слышит*). Лежу я в госпитале. Ноги обмороженные, в правой осколки. Доктор велел к операции готовить. Лежу и плачу потихоньку: вдруг, думаю, без ног очнусь? Отрежет их хирург – и всё. Как к Нюре приду? Кому инвалид безногий нужен? Мучение одно. Думаю, лучше бы умер, чем кочерыжкой жить... Вернулся, как видишь, на обеих ногах. А Нюра мне потом говорила, что в тот день ноги себе обварила. Снимала воду с огня, ну, и пролила. Долго потом заживало. Тоже, говорит, ревела: и больно, и шрамы, боялась, останутся.

Егор. В один день? Вы как близнецы: те всё одинаково делают, даже на расстоянии.

Алексей Петрович. Теперь я один близнец остался. Вот тебе и кочерыжка. Без ног-то можно прожить, а... (*Голос его дрогнул.*)

Егор. Не надо, дед Лёш! (*Протягивает к нему руку.*) Ты не один. У тебя семья есть, мы.

Алексей Петрович (тоже тянется к Егору, пожимает его руку). Хороший парень вырос.

Егор. Наверное, я бы не смог, как ты.

Алексей Петрович. Это тебе только кажется. Смог бы, не сомневайся. Обстановка боя – как водка: так ударяет в голову, что даже робкий человек становится храбрецом. С другой стороны, в мирное время бывают ситуации, когда трудно проявить смелость. И тогда смелые превращаются в трусов.

Егор. Дед, а что тебе во время войны больше всего запомнилось? Было же, наверное, что-то такое?

Алексей Петрович. Иногда в памяти такие вещи застревают... Вроде обычные, а на всю жизнь с тобой остаются. Однажды проснулся среди ночи – вокруг тихо-тихо. И не подумаешь, что война. Удивительно, ни одного всполоха в небе – только звёзды. Яркие такие, близкие, кажется, руку протяни – полную пригоршню наберёшь. Я ещё подумал: мерцают, будто подмигивают. Или приглядываются: что на земле творится? И соловей поёт. Да как поёт-то, Егорша! Больше никогда мне такого пения слышать не приходилось! Весь мир замер и слушает, и я вместе с ним. Чуть не плачу, так мне эти переливы душу комкают. Тоскливо сделалось, сил нет. Домой потянуло страшно – кажется, вскочил бы и рванул к родным, к Нюре. К тому времени больше года их не видел...

Некоторое время молчат.

Егор (осторожно). Дед, меня вопрос один мучает... Только не сердись! Скажи, тебе не обидно?

Алексей Петрович. Обидно? За что?

Егор. Я по телевизору передачу видел про бывших солдат вермахта. Показывают бодренького розовощёкого старикана: выходит он из двухэтажного коттеджа, чешет шустро по дорожке, садится в мерс. А некоторые сюда приезжают, в Россию, посмотреть, где воевали. Улыбаются, на шеях фотоаппараты. А взять тебя! Батареей командовал, капитана получил, наград сколько...

Алексей Петрович. Что, Егорша...

Егор. Постой, дед! (Приподнимается на локте.) Дай договорить. Ты до Берлина дошёл! А сейчас есть у тебя возможность в этот Берлин на экскурсию съездить? И вообще – разъезжать, как эти?... Живёшь далеко не в коттедже, машины нет, перебиваешься от пенсии до пенсии... Получается, вы это государство защищали, а оно вас предало. Хотя должно было поддерживать!

Алексей Петрович. Молодой ты.

Егор (горячится). Ой, не надо! Как мать: не может ответить – сразу про молодость. Ты ведь прекрасно понимаешь, что я хочу сказать!

Алексей Петрович. Выходит, мы такое государство, какое надо, построить пока не сумели. Только это не означает, что мне много лет назад не надо было страну свою защищать.

Егор. Но...

Алексей Петрович (мягко останавливает его). Незачем мне на жизнь обижаться. С голоду не помираю, крыша над головой есть. Погляди-ка – до правнуков дожил. (Улыбается.) Моя бабка говорила: кто хоть одного правнука увидит, тому Бог все грехи прощает, а у меня вас целых двое! (После небольшой паузы.) Поздно уже, Егорша. Давай-ка спать.

Егор. Спокойной ночи, дед. (Выключает ночник.)

Действие второе

(прошло полгода)

Явление первое

Кухня в многоквартирном доме. За столом сидит Андрей, ест суп. Наталья хлопочет у плиты.

Наталья (не оборачиваясь к мужу). Соли нормально?

Андрей (продолжая есть). Угу.

Наталья. Сказал бы хоть, что вкусно.

Андрей. Вкусно.

Наталья. Целыми днями кручусь на кухне, чтобы вас прокормить, и хоть бы одно доброе слово. (Ставит на стол тарелку для себя.)

Андрей. Не преувеличивай.

Наталья (передразнивает). Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Пьяного не заткнёшь, из трезвого слова не вытянешь. Поить тебя, что ли, чтобы с тобой поговорить?

Некоторое время молчат.

Андрей. Сама почему не ешь?

Наталья. Вот где его носит? Восьмой час, уроки давно кончились. Вместо того чтобы заниматься, таскается чёрт знает где.

Андрей. Что ты к нему цепляешься? Учится нормально, учителя хвалят. Программы какие-то для компьютера пишет.

Наталья. Нормально? Тебе всё нормально! (Забирает у мужа пустую тарелку.) Второе будешь?

Андрей. Буду.

Наталья снова принимается хозяйничать у плиты.

Наталья. Целыми днями в компьютере торчит – ладно. С девицей по подъездам обжимается – хорошо. Дома не появляется – пускай. Нет чтобы к деду Васе в больницу сходить!

Слышен громкий щелчок замка – открылась входная дверь.

Наталья. Явился! Полнобуйтесь!

Явление второе

В кухню заходит Егор.

Наталья (стоит, скрестив руки на груди). Тебя здороваться не учили?

Егор. Привет.

Андрей. Знаешь, сколько времени?

Егор (оглядывая стол). Мам, можно мне тоже картошки? Голодный как зверь.

Наталья. Сначала борщ съешь. (Подает ему суп.) Ты уроки делать собираешься? Уже спать пора, а у тебя конь не валялся.

Егор. Для начала могла бы поинтересоваться, как у меня дела. Может, кучу пятёрок получил.

Наталья. Так получил или «может»?

Егор не отвечает, ест.

Наталья. Молчит он... *(Тоже садится за стол, берётся за ложку.)* Говоришь тебе, говоришь. Ты в этом году школу заканчиваешь. Серьёзное надо быть, будущее своё обеспечивать. Все силы – учёбе. Подумай: не поступишь, что тогда?

Егор. Поступлю.

Наталья. Надо же, какая уверенность! А если нет? В армию пойдёшь?

Егор. Хоть бы и в армию. Мы это сто раз обсуждали.

Наталья. Обсуждали... У меня такое чувство, что тебе институт этот, как собаке пятая нога! К чему ты стремишься, можешь сказать?

Егор. Фрилансером хочу быть.

Наталья. Это ещё что?

Егор. Свободный художник.

Наталья. И кто, интересно, будет твои художества покупать?

Егор. Можно я поем спокойно?

Наталья. Скажите, пожалуйста! Какая цаца!

Андрей. Не груби матери.

Егор. Я не грублю. *(Наталье.)* Как будто я не понимаю, чего ты психуешь! Никак не можете придумать, куда деда Лёшу девать.

Андрей. Егор, не говори лишнего!

Егор. По-вашему, я глухой, что ли?

Наталья. Не лезь во взрослые дела! Твоё дело – хорошо учиться.

Егор. Знаешь, мам, ты... *(Резко отодвигает от себя тарелку.)* Спасибо, наелся! *(Выходит из-за стола.)*

Андрей. Егор! Сядь!

Наталья. А второе? Вернись и доешь!

Егор *(направляясь к выходу).* Не хочу.

Наталья. Куда пошёл?

Егор. Погулять!

Наталья *(вставая со стула).* Не нагулялся ещё?

Андрей. Егор!

Явление третье

Андрей сидит за столом. Наталья собирает посуду, швыряет её в раковину, моет.

Андрей. Осторожно, разобьёшь!

Наталья. Шут с ней!

Андрей *(встаёт из-за стола, подходит к жене).* Хватит, а? Сама себя доводишь.

Наталья *(стоя спиной к мужу).* Сама, да? Конечно, сама! Я у вас всё сама! По дому – мама, по магазинам – мама, по родительским собраниям, по больницам с отцом... Отец, между прочим, твой, а в больницу каждый день мотаюсь я!

Андрей. Я тоже хожу, когда могу! Был бы у меня скользкий график...

Наталья *(быстро обернувшись).* У меня зато график отличный! Два дня, как собака в будке, в кассе сижу, два на домашней каторге. Ни выходных, ни проходных. И никто не ценит!

Андрей. Почему? Очень даже ценим! Думаешь, не понимаю, что весь дом на тебе?

Наталья *(опустив голову, понизив голос).* Что он на меня бросается? Как лучше хочу, всё для него, а он! Хорошо, сорвалась, не так сказала, но можно же понять!

Андрей *(гладит жену по волосам).* Придёт – помиритесь. Не переживай.

Наталья. Помириться-то помиримся. А с дедом как? Эта проблема никуда не денется.

Андрей. Придумаем что-нибудь.

Наталья. Господи, когда уже можно будет пожить спокойно? Всё не слава богу, не одно, так другое! Как тут не нервничать, когда...

Звонит сотовый телефон. Андрей берёт трубку, разговаривает. Наталья отходит от раковины, убирает со стола хлебницу, вытирает стол.

Андрей. Да, пап. Привет. Егор? *(Смотрит на жену, она вскидывает голову, тревожно смотрит на Андрея.)* Пришёл, а ты... У тебя был? Нет, не сказал! Сам как, нормально? Ага. Ладно, пап, спокойной ночи. Передам. Она тебе тоже передаёт. Пока.

Наталья. Что говорит?

Андрей. Представляешь, Егор, оказывается, в больнице был! Отец спрашивает, как он добрался.

Наталья *(всплеснув руками).* Неужели сказать нельзя было!

Андрей *(вздыхает).* Возраст такой. Переходный.

Наталья. Он папе ничего про деда Лёшу не говорил?

Андрей. Видимо, нет. Иначе отец сейчас мне бы сказал.

Наталья. С другой стороны, всё равно узнает, когда выпишется.

Андрей. Как с дедом Лёшей быть, ума не приложу.

Наталья *(помолчав.)* Тётя Галя, молодец, конечно. Хорошо устроилась. Сидит себе в Краснодаре и не парится. Я с ней больше вообще разговаривать не буду. Позвонит, лучше сам отвечай, а то всё скажу, что думаю – и про неё, и про её гипертонию. Посмотрите, как она намучилась – на похороны к родной матери прилетела! Все уши прожужжала. Подвиг совершила: села в самолёт и два часа проспала! А то, что мы тут крутились, её мать хоронили, отпевали, поминки делали – это ничего. Полдеревни накормили, посуду с Ленкой полночи мыли. Хоть бы спасибо сказала.

Андрей. Она сказала.

Наталья. Да лучше бы молчала! Извини, конечно, она твоя тётя родная, но терпеть её не могу! «Сю-сю-сю, сю-сю-сю» – словечка в простоте не скажет. Ещё с замечаниями лезет. *(Передразнивает.)* «Наташенька, ты чернослив в компот не клади, а то он тёмный получится, на поминках не положено!» Взяла бы сама и приготовила всё, и складывала, куда что надо. А я бы посидела посмотрела! У меня тоже гипертония – меня что-то никто не жалеет!

Андрей. Не заводись.

Наталья *(не слушая).* Они с Иваном Даниловичем на пенсии, приехали бы и пожили с дедом!

Андрей. Что толку говорить – знаешь же, что не поедут.

Наталья. Конечно, надо им! Похороним – опять прилетят, слёзы крокодиловы лить.

Андрей. Что ты его хоронишь-то раньше времени!

Наталья машет рукой и отворачивается.

Андрей. Безвыходная какая-то ситуация.

Наталья. Лена что говорит?

Андрей. Что она скажет? У них всё Альберт решает. А зачем ему чужой старик? Наверное, придётся нам деда брать...

Наталья *(вскидывается).* Так я и знала, что этим кончится! Мы его заберём, будем впятером в двухкомнатной конуре тесниться. Егору поступать, отец после инфаркта, дед слепой – вот я и буду за ними всеми ходить. У меня график как раз подходящий! Нашли дуру!

Андрей. Наташа!

Наталья. Что Наташа? И всем, главное, хорошо, спокойно – и тётке Гале, и Лене. И ты благодарный за мой счёт!

Наталья быстро выходит из комнаты. Андрей, окликая жену по имени, спешит за ней.

Явление четвёртое

Лестничная клетка: окно, толстая труба мусоропровода. Егор сидит на подоконнике, Гузель стоит рядом. Она в домашних тапочках, поверх домашней одежды наброшена куртка.

Гузель. Может, к нам зайдёшь?

Егор. Лучше тут. Или ты мёрзнешь?

Гузель. Нет, куртка тёплая.

Егор. Когда в школу?

Гузель (*пожимает плечами*). Завтра к врачу. Наверное, в пятницу выпишет. Или в понедельник. Лучше бы в понедельник. Как дед?

Егор. Нормально. Уже в палату перевели, на днях домой. С ним там ещё два старикана. Дед говорит, у них в больнице лежал мужик, его утром выписывать должны были. А сосед по палате всю ночь анекдоты травил. Этот, который на выписку, ясное дело, ржал. И сердце не выдержало.

Гузель. Умер?!

Егор (*кивает*). Ага. В самом деле, от смеха умер.

Гузель. Бывает же. (*Помолчав.*) Сочинение написал? Дуня на той неделе задала.

Егор. Нет ещё.

Гузель. Смотри, пару влепит.

Егор. Не влепит. Приду – напишу что-нибудь. И вообще – ну её, эту Дуню!

Гузель. Чего такой злой? Опять с матерью поругался?

Егор молчит.

Гузель. Брось. Она за тебя переживает.

Егор. Да не из-за меня она!.. Чего переживать-то? Не больно я наркоман или ещё кто. С дедом Лёшей ничего решить не могут – вот и бесится. Бойтся, придётся его к нам из деревни забирать.

Гузель. Он же раньше жил один.

Егор. Жил. Пока сорок дней не сделали по бабе Ане, вроде ничего, справлялся. А после слепнуть стал. Старая рана: его во время войны контузило.

Гузель. И как тогда?

Егор. Как-как! Соседи помогали. Заходили, кормили. А вчера одна тётка отцу звонит – решайте, говорит, что-то с дедом. Мы, говорит, возле него не можем постоянно сидеть. А один он... Пошёл во двор, споткнулся и упал. Ладно, она зашла проведать, встать помогла. Хорошо, не сломал ничего.

Гузель (*качает головой*). Несчастье какое...

Егор. Главное, дед Лёша такой человек... (*Не может подобрать слово, взмахивает руками.*) Ему восемнадцать было, когда он воевать пошёл! А если бы нам так пришлось? Им с бабой Аней тогда почти столько было, сколько нам сейчас. Что, если бы я ушёл, а вернулся лет через пять?

Гузель. Я бы тебя ждала.

Егор. Ты так легко говоришь! А я об этом в последнее время часто размышляю. У него толком и жизни-то ещё не было – а от него уже требуют, чтобы он её отдал. Иногда представляю, как ему страшно было, как умирать не хотелось, а

хотелось домой, к невесте, к родителям. Учился отлично, в город собирался, поступать, а пришлось... Два месяца в артиллерийском училище, присягу принял – и на фронт. Мне кажется, он всё спрашивал себя: почему я? Почему мне выпало идти на смерть и видеть, как умирают другие? Так чувствую его тоску, как будто это со мной было. Думаешь, я чокнутый?

Гузель. Нет, конечно.

Егор. Хотя, скорее всего, ни о чём таком он не думал. Просто считал: надо, значит, надо. И сейчас тоже не жалуется. Как подумаю, что он там один, слепой, бродит по пустому дому... Кругом – темнота. Ни еду приготовить, ни телевизор посмотреть, ни почитать – он учителем истории был, книги любит, у него ими два шкафа битком набиты. Я вчера сам попробовал с закрытыми глазами по квартире походить: вроде всё знакомое, а несколько раз чуть не грохнулся. И страшно. Равновесие махом теряется.

Гузель. Никто не может к нему приехать, пожить с ним?

Егор. Кто? Его дочь, тётя Галя, с Иваном Данилычем в Краснодаре. Про моих ты знаешь, дед Вася после инфаркта еле жив. Тётя Лена с Лёликом не поедет. Матери говорю: «Давай я поживу с ним». Она в крик: «Что ты выдумываешь? Выпущной класс!»

Гузель (*после небольшой заминки*). Гош, согласишься, она права – нам же ЕГЭ сдавать, поступать. А тебе-то особенно, на медаль идёшь!

Егор. И что теперь? У всех причины, обстоятельства, никто не может. Давайте бросим его! Пусть живёт, как хочет! Или помирает. Так, что ли?

Гузель. Не кричи!

Егор. Я не кричу. Извини. Просто... когда баба Аня умерла, все съехались и давай слёзы лить, какой у нас замечательный дед-фронтовик, и как все будут опекать, навещать. А что в итоге? Второй день перезваниваются и пытаются его друг другу спихнуть.

Гузель. Всё не так просто.

Егор. Нет, всё как раз очень просто. Нельзя предавать – только и всего.

Гузель. Гош, ты такой хороший.

Егор. Перестань.

Гузель. Нет, правда. Замечательный! Ну, не злись на них. Они ведь тоже знают, как правильно поступить, но не могут. От этого им, может, ещё тяжелее.

Егор. Я и сам на словах возмущаюсь, а ничего не делаю. Какое тогда право имею их осуждать?

Гузель. Егорка, миленький! Не переживай так. (*Подходит к нему ближе.*) Они что-нибудь придумают. Сам говоришь – решают. Всё уладится, вот увидишь.

Егор спрыгивает с подоконника. Обнимает девушку, целует. Внезапно раздаётся женский голос: «Гузель! Ну-ка быстро домой! Только выздоровела – опять с температурой слечь хочешь?» Ребята отскакивают друг от друга.

Гузель. Иду, мам! (*Егору.*) Мне пора бежать.

Егор и Гузель прощаются, целуются.

Явление пятое

Просторная, дорого и модно обставленная комната. На полу – большой ковёр. Елена и Лёлик сидят на ковре. У неё в руках детская книжка, он катает по ковру машинку.

Елена. Посиди спокойно, дослушай сказку. Тебе же нравятся сказки.

Лёлик (*канючит*). Ну и что, что нравятся! Я долго слушал, устал!

Елена. Не выдумывай. Лёлик, ты уже большой мальчик. Скоро в школу пойдёшь, надо уметь сидеть на месте, внимательно слушать.

Лёлик. Я умею. Только сейчас не хочу. Давай потом дочитаем!

Елена (*сдаваясь, закрывая книжку*). Не хочешь – как хочешь.

Лёлик. Мультки включишь?

Елена (*поднимается с пола, садится на диван*). Куда я денусь? (*Берёт пульт, нажимает на кнопки.*)

Лёлик (*садится рядом с ней, болтает ногами*). Папа скоро придёт?

Елена. Скоро, скоро.

Лёлик. А что он мне купит?

Елена. Не знаю, сынок. Увидим.

Лёлик. Хочешь, считалку расскажу? В садике выучил. Её надо говорить, когда непонятно, кому водить.

Елена. Расскажи, если выучил.

Лёлик.

Катился апельсин
По городу Берлин.
Уроки не учил –
Двойку получил.
А двойка не моя...

Откуда-то из глубины квартиры слышится: «Я дома!» Лёлик, не закончив, прыгивает с дивана, несётся к выходу.

Явление шестое

Елена сидит на диване, в комнате появляются Альберт и Лёлик. Ребёнок повис на отце, обхватил руками и ногами.

Альберт. Привет!

Елена (*поднимается им навстречу, подходит ближе*). Как доехал? (*Целует мужа.*) Лёлик тебя заждался. Ужинать будешь?

Альберт. Позже. Отойду маленько. Движение бешеное, никто никому не уступает. Все важные: каждый суслик – агроном.

Лёлик. Ты плохое слово сказал?! Мама тебя наругает!

Елена и Альберт улыбаются.

Альберт. Надеюсь, не наругает.

Елена. Суслик – это такой зверёк.

Лёлик. Пап, а что ты мне принёс?

Альберт. А разве я что-то обещал?

Лёлик. Ну, пап! Я себя хорошо вёл! Мам, скажи папе!

Елена. Говорю.

Альберт (*опуская сына на пол*). Иди посмотри в пакете. Может, что-то и завалялось.

Лёлик. Ура! В прихожей?

Альберт. Ага. Потом в детскую топай, поиграй.

Лёлик убегает.

Явление седьмое

Елена (*снова забирается с ногами на диван*). Что там?

Альберт. Робот-трансформер. Он вчера просил. На ближайшие полчаса мы свободны.

Елена. Тебе не кажется, что ты его балуешь?

Альберт (*садится в кресло, с наслаждением вытягивает ноги*). Кажется. И что? Лучше, когда дети строем ходят, а игрушки по великим праздникам получают?

Елена. Но не бросаться же по первому требованию в магазин! Так характер испортить можно.

Альберт. Откуда этот учительский тон? С мамой пообщалась?

Елена. При чём тут мама! Просто детей надо любить, а не задаривать.

Альберт. Хочешь сказать, я не люблю? И не работаю, как проклятый, чтобы у вас всё лучшее было?

Елена. Алик, я имела в виду... Всё, забудь. Извини.

Альберт. Закрыли тему. Ты что такая кислая?

Елена. С Наташей опять разговаривала, с Андреем.

Альберт (*сердито ударяет ладонями по подлокотникам*). Снова здорово! До чего договорились?

Елена. Ни до чего. Они там и без деда Лёши на головах друг у друга – я их прекрасно понимаю.

Альберт. А мать?

Елена. А что мать? Она в этом году опять часы взяла. У неё всю жизнь школа на первом месте. И перелёт к тому же. Ей вредно.

Альберт. Может, тогда Алексея Петровича к ним отправить? Как думаешь? Мы проводим, они там встретят. Климат хороший, тепло. Будут с Иваном Даниловичем...

Елена (*перебивает*). Алик! Что ты издеваешься?!

Альберт. По-моему, это ты надо мной издеваешься. Который день прихожу с работы, хочу отдохнуть – на тебе!

Альберт подходит к бару, наливает себе вина. С бокалом в руке садится в кресло.

Елена. Он ведь нам с Андреем родной дед. А мы... Считалка какая-то получается. Катился апельсин.

Альберт. Какой апельсин?

Елена. Не обращай внимания, это я так.

Альберт (*делая глоток*). Слушай, я на похороны твоей бабки денег дал? Дал. Чего ты от меня ещё хочешь? Чтобы я деда здесь поселил? Извини, к таким подвигам не готов.

Елена. А может...

Альберт. Может что?

Елена. Я подумала, надо продать дедов дом и тут ему какое-то жильё купить. Мы бы по очереди могли за ним присматривать.

Альберт. Подумала она! Лена! Ты как с Луны свалилась. Это не дом, а халупа постройки прошлого века. Она только на снос годится и поэтому ничего не стоит.

Елена. А земля? Там же двадцать соток.

Альберт. Погоди, я не закончил. Земля представляла бы ценность, будь она в пригороде, а не в трёхстах километрах от города. Туда и дороги нормальной нет. Поэтому даже если – заметь, если! – найдётся идиот, готовый поселиться в той дыре, больших денег за это сокровище выручить не получится. Не то что на квартиру, на комнату в коммуналке не хватит.

Елена. Точно знаешь?

Альберт. Давай не будем! всю жизнь недвижимостью занимаюсь, наверное, понимаю немножко, что к чему. Конечно, если постараться, есть шанс продать, и этими деньгами потом оплачивать пребывание Алексея Петровича в каком-нибудь интернате – или как там это называется. Я мог бы разузнать, что к чему, если хочешь.

Елена. Альберт! Как мы деда Лёшу сдадим в... Нет, это отпадает!

Альберт *(снова делает глоток)*. А что такого? Вполне цивилизованный подход. Во всём мире так делают, если нет возможности самим ухаживать за престарелыми родственниками. А вообще, конечно, давно следовало подумать о том, чтобы забрать стариков в город. Алексей Петрович у вас ветеран, фронтовик. Надо было ему в своё время немного подсуетиться, по инстанциям походить. Наверняка можно было бы что-то сделать.

Елена. Никогда он не будет хлопотать, просить что-то! Характер такой. «Никогда и ничего не просите. Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут».

Альберт *(усмехается)*. То-то я смотрю – предложили и дали! Откуда этот бред?

Елена. Это Воланд булгаковский. Дед Лёша и у нас-то ничего не просит. Соседка не сказала бы, что он ослеп, мы бы и не знали. Мне, если честно, кажется, хотел тихо умереть, только соседи не дают. И от этого гадко на душе. Ты понимаешь?

Альберт. Понимаю.

Елена. Пожалуйста, Альберт! Ты практичный человек. Умный, со связями. Неужели нет никакого выхода?

Альберт. Как маленькая, честное слово! Я, по-твоему, кто – волшебник в голубом вертолёте?

Елена молчит.

Альберт. Только дуться не надо.

Елена. Я не дуюсь.

Альберт. Вот и отлично. Тогда, может, накормишь нас с Лёликом?

Елена. У меня давно всё готово.

Альберт идёт к дверям. Елена – следом.

Действие третье

Явление первое

Большая комната в двухкомнатной квартире Василия Васильевича, Андрея, Натальи и Егора. Видно, что здесь недавно сделали ремонт, каждая деталь обстановки тщательно продумана. Однако сейчас в комнате беспорядок: дверцы шкафов открыты, на столе – посуда и книги. В кресле сидит Василий Васильевич, Андрей – возле него. Вбегают Наталья, в руках у неё пузырёк с лекарством и стакан воды.

Наталья. Сейчас, сейчас, папа. *(Капает в стакан лекарство, подаёт свёкру.)* Вот, держите.

Василий Васильевич. Спасибо. *(Пьёт и отдаёт посуду обратно.)* Горькое какое!

Наталья. Зато полезное. Сейчас легче будет.

Андрей. Ты как, ничего?

Наталья. Может, всё-таки «скорую»?

Василий Васильевич (*машет рукой*). Нет, заберут ещё. Только что оттуда.

Наталья. Что вы, как маленький – врачей боитесь?!

Василий Васильевич. Прошло уже. Понервничал маленько.

Андрей. Брось, отец, не стоит оно того.

Наталья. Давайте-ка я вас уложу. Что толку всем троим тут толкаться.

Василий Васильевич. Да я хорошо...

Андрей (*перебивает*). В самом деле, иди, отдохни. Как бы опять не прихватило.

Наталья. Пойду постелю. (*Поспешно выходит из комнаты.*)

Явление второе

Василий Васильевич. В милицию, наверное, надо звонить.

Андрей. Погоди, сами поищем.

Василий Васильевич. И ведь как раз деньги нужны – на Петровича-то!

Андрей. Они всегда нужны, вот в чём штука.

Василий Васильевич. У меня пенсия скоро.

Андрей. Отец, не забивай голову. Придумаем что-нибудь. Главное, не хвораю.

Василий Васильевич. И без моих болячек вам забот хватает.

Наталья (*из соседней комнаты*). Папа, идите ложитесь.

Василий Васильевич (*вставая с помощью сына*). Спасибо, Наташа.

Андрей. Проводить тебя?

Василий Васильевич (*отрицательно качает головой*). Что уж я, совсем инвалид?

Выходит.

Явление третье

Появляется Наталья, плотно прикрывая за собой дверь.

Андрей и Наталья стараются говорить тихо, чтобы не потревожить Василия Васильевича.

Наталья. Что теперь?

Андрей. Вспомни, возможно, куда-то в другую комнату переложила и забыла?

Наталья. Что я, пьяная? Переложила и забыла! Точно помню, на прошлой неделе, когда у тебя зарплата была, положила деньги в конверт. Ещё подумала, в этом месяце много отложить удалось из-за премии. Пересчитала и убрала. В Чехова сунула. И больше не трогала! (*Прижимает ладони к лицу, собираясь расплакаться.*)

Андрей. Наташ, перестань. Не смертельно это! (*Хочет обнять жену.*)

Наталья (*в сердцах сбрасывает его руки*). Не смертельно! Копили-копили, откладывали-откладывали!

Андрей (*отходит к столу, машинально постукивает пальцами по столешнице*). От того, что ты расстраиваешься, ничего не найдётся. Сядь и подумай хорошенько. Бывает же – как затмение найдёт.

Наталья (*садится на диван*). Я всегда или в книги прячу, или в бельё. Ни там, ни там. Всё уже перерыла.

Андрей. А на кухне не могла?..

Наталья (*устало*). Нет. (*Капает в стакан лекарство Василия Васильевича и, не разбавляя, пьёт.*) Фу, гадость! (*Морщится.*)

Андрей. Так. (*Проводит рукой по волосам.*) Получается, в квартире нет.

Наталья. Всё у нас одно к одному! всю жизнь!

Андрей (*не обращая внимания на слова жены, продолжает размышлять вслух*). Замок не сломан, этаж высокий. Ничего не искали: знали, где взять.

Наталья. Думаешь, Егор?

Андрей. Надеюсь, что нет. Помнишь, он в сентябре ключи потерял? Что, если не потерял, а вытащили? Мы ведь замок так и не сменили. Запасную связку ему дали – и всё.

Наталья (*громко, всплеснув руками*). А я тебе говорила!

Андрей. Тише!

Наталья (*спохватывается, оглядывается на дверь и продолжает тише*). Говорила – смени замки! Тебе вечно некогда! Вот и дождались!

Андрей. Похоже, в полицию придётся звонить. Пусть проверят его одноклассников.

Наталья. Зачем они тянули-то столько времени? Воры?

Андрей. Момента подходящего ждали. Отец днём дома, выходит ненадолго. А тут две недели в больнице был – заходи и бери.

Наталья. Господи! Ты так спокойно говоришь, будто это детектив по телевизору!

Андрей. Рыдать теперь, что ли?

Наталья (*ахает, будто её осенило*). Андрей!

Андрей. Что такое?

Наталья. А если всё-таки Егор?

Андрей. Зачем ему...

Наталья. Ты сам подумай! (*Вскакивает, принимается ходить по комнате*.) Его могли вынудить! Или деньги вымогали, или... наркотики! Господи! Что ты молчишь?

Андрей. Что говорить, если ты чушь городишь. Какие наркотики? Неужели мы бы не заметили?

Наталья (*снова забывается и говорит громче*). Ты бы заметил, как же! Кроме своих чертежей ничего вокруг не видишь!

Андрей. Прекрати себя накручивать. И не кричи.

Наталья (*понижая голос*). Я не кричу. А вдруг это Гузель?

Андрей. Что Гузель?

Наталья. Что, что! Беременная!

Андрей. Ну, знаешь!

Наталья. Ты как будто в другом времени живёшь! Разве мало случаев?

Андрей. Позвони ты ему, в конце концов! Пусть придёт! А то сейчас выяснится, что он террорист или шпион!

Наталья. Не ори!

Хватает с журнального столика телефон, набирает номер. Андрей напряжённо следит за её действиями.

Наталья (*держит трубку возле уха*). Гудок идёт.

Андрей. Что за манера – трубку не брать!

В это время слышно, как открылась входная дверь. Раздаётся голос Егора: «Мам, я тут».

Наталья (*нажимает кнопку отбоя*). Раздевайся и бегом сюда!

Явление четвёртое

Наталья, Андрей, Егор.

Егор (*заходя в комнату*). Привет.

Андрей. Тише говори, дед спит.

Егор. Я-то тихо, вы сами...

Наталья. У Гули был?

Егор. Да.

Наталья. Я так и знала!

Егор. Мам, ты чего? Конечно, знала. Я сказал, когда пошёл.

Наталья. Скоро оценки начнут выводить, а он!

Андрей. Наташа, сейчас не о том! Егор, у нас деньги пропали.

Егор (*засовывает руки в карманы, отворачивает голову*). Ясно.

Наталья. Что тебе ясно?

Егор. Я сам хотел сегодня сказать.

Наталья вскрикивает.

Андрей. Мать честная!

Наталья (*подходит к сыну, пытается заглянуть ему в лицо*). Ты должен кому-то?

Андрей. Говори, не бойся.

Егор. Не должен я никому! С чего вы взяли?

Наталья. Она беременная, да? Гузель твоя?

Егор. Мама!

Наталья. Что? Что мы должны думать? Дожили! Родители по копейке откладывают...

Андрей. Егор, зачем ты их взял?

Егор (*после паузы*). Я взял деньги, потому что... В общем, снял квартиру.

Наталья и Андрей потрясённо молчат и смотрят на сына.

Андрей. Зачем тебе квартира? Хочешь жить отдельно? Почему?

Наталья. С Гулей?

Егор. Что ты к ней привязалась! Нет, не с Гулей.

Наталья. Что тогда?

Андрей. Не тяни резину, видишь, мать на взводе.

Егор. Я снял квартиру, потому что хочу забрать деда Лёшу из деревни.

Андрей. Вот те раз!

Наталья. Что ты выдумываешь? Кто тебе велел вмешиваться?

Егор (*взрывается*). А почему я всегда должен делать, что мне велят? Я что, слабоумный? Или младенец?

Андрей. Егор!

Егор. Тётя Зоя когда позвонила? В понедельник. Сегодня пятница! Вы что, не понимаете, каково ему там одному? Неужели вам его не жалко? С детства внушали: надо быть отзывчивым, людям помогать! Не предавать, не врать. А сами что делаете? Да вы... как стервятники! Ждёте, когда дед умрёт и всё само собой решится? Потом поедете на похороны: «Ах, какой был человек!», «Ах, ненадолго бабу Аню пережил!»

Наталья. Ты как разговариваешь?

Егор. Как заслуживаете!

Андрей (*примирительно*). Сынок, мы с мамой уже всё решили.

Егор. Знаю я, что вы решили! Завтра поедете, денег сунете соседке, чтобы она за дедом присматривала. А сами вернётесь и будете жить как ни в чём не бывало!

Наталья. Никто не собирается никого бросать! Как ты мог подумать, что... Мы будем его часто навещать.

Андрей. Каждую неделю.

Наталья. Ты взрослый, должен понимать. Мы с папой не можем бросить работу и переехать в деревню. Тебе летом поступать, а дед Вася...

Егор (*перебивает*). Дед Лёша мог бы жить с нами. Потеснились бы, ничего страшного. Разве он заслужил, чтобы чужой человек за деньги о нём заботился?

Андрей. Где квартира?

Егор. В двадцать пятом доме. Недалеко. Подруга Гулиной матери сдала. Я за полгода вперёд заплатил, и она подешевле согласилась.

Наталья. Отдал какой-то проходимке... Сейчас же идём, я ей покажу, как у ребёнка деньги брать!

Егор. Никуда я не пойду.

Андрей. Ты же знаешь, Егор, мы с трудом копили, а ты без спросу взял и...

Егор. А если бы попросил? Вы бы дали?

Наталья (*старается говорить спокойнее*). Егор, ты умный мальчик и прекрасно знаешь: мы не можем себе позволить снимать для деда Лёши квартиру. Это не выход.

Егор (*смотрит только на отца*). Пап, ты меня всегда понимал. Давай съездим завтра, заберём деда.

Наталья (*Андрею – снова повышая голос*). Вот оно, твоё воспитание! Ты его понимал – он у тебя же и ворует!

Андрей. Наташа!

Наталья. Деду поможет, а мать в гроб вгонит. (*Садится на диван, прячет лицо в ладони.*)

Егор. Сам буду за ним ухаживать!

Наталья (*вскидываясь*). Ты до сих пор за собой кровать убирать не научился, ухаживальщик!

Андрей (*жене*). Чего ты от него хочешь? Чтобы он деньги забрал и всю жизнь нас с тобой презирал, что не дали ему по совести поступить?

Наталья. Вот ты как ставишь вопрос! Хорошо, тогда...

Раздаётся звонок в дверь.

Андрей. Кто это на ночь глядя?

Егор. Пойду открою.

Почти бежит к дверям.

Наталья (*ему вслед*). Мы ещё с тобой не договорили!

Андрей. Не дави ты на него, бога ради!

Наталья. Сама знаю, что мне делать!

Явление пятое

Василий Васильевич заходит в комнату.

Андрей. Не дали мы тебе поспать.

Василий Васильевич. Какой уж сон.

Андрей. Всё слышал?

Василий Васильевич. Значит, Егор взял. Хорошо ещё, в милицию не заявили.

Наталья. Успокоительное дать?

Василий Васильевич отрицательно качает головой, садится в кресло.

Явление шестое

В комнату возвращается Егор, вслед за ним появляются Елена и Альберт.

Андрей. Вот так сюрприз!

Альберт. Добрый вечер.

Мужчины пожимают друг другу руки.

Наталья. Позвонили бы! А то у нас такой бардак. Уборку затеяли.

Елена. Извините, что без предупреждения. Мы ненадолго. Дядя Вася, вы как? *(Подходит к нему, целует в щёку.)*

Василий Васильевич. Ничего, оклемался. Наташе спасибо, ходит за мной, как за дитём.

Наталья. Кстати, о детях. Где Лёлик?

Елена. С мамой Альберта. Простудился немножко, покашливает.

Наталья. Ох уж эти детские хворобы! Чай будете? Пойду чайник поставлю. *(Делает шаг к двери.)*

Елена *(останавливая её)*. Наташа, не суетись. Не нужно ничего, спасибо.

Альберт. У нас к вам разговор.

Андрей. Что случилось?

Наталья. Да вы не стойте, садитесь!

Все рассаживаются, повисает пауза.

Альберт. Мы хотели поговорить по поводу Алексея Петровича.

Наталья. А что такое? Мы к нему завтра с утра собираемся.

Елена. Альберт кое-что...

Альберт *(жене)*. Лена, позволь мне. Ситуация сложилась болезненная. Но я по своим каналам выяснил некоторые обстоятельства, и, думаю, нашёл выход, который всех устроит.

Андрей. Интересно.

Альберт. Алексей Петрович – ветеран войны. К годовщине Победы приняли программу, по которой каждый бывший фронтовик получает на улучшение жилищных условий миллион рублей.

Наталья *(удивлённо)*. Я ничего такого не слышала.

Альберт. Программа только-только раскручивается. О ней пока мало говорят.

Василий Васильевич. Неужели миллион?

Альберт. Именно.

Андрей. Что ты предлагаешь?

Альберт. Оформление выплаты – дело трудное и долгое, но я смогу всё вернуть в кратчайшие сроки. Через своё агентство недвижимости организую продажу дома в деревне, куплю в Казани квартиру. Уход за дедом мы с Леной тоже возьмём на себя. Взамен Алексей Петрович оформляет на Елену дарственную. Никто из вас позже на наследство не претендует. Всем хорошо: вы живёте как жили – мы берём на себя хлопоты, взамен получаем квартиру. Если все согласны, завтра же займусь.

Наталья. Погоди, погоди... Как это? Можно же пополам: и уход, и деньги.

Альберт. Не «можно», Наташа. Без меня вы будете оформлять эту выплату полгода – если не дольше. Так что это ляжет на меня. Продавать развалюху в глуши тоже придётся мне, а не вам. Я смогу получить за неё максимальную цену. И, наконец, поиск квартиры для Алексея Петровича также – на мои плечи. Не говоря о том, что всё это сопряжено с расходами. Так что ваши «пополам» меня не устраивают.

Наталья. А нас не устраивает всё вам отдавать! Андрей тоже имеет право на наследство!

Андрей. Да ты что!

Наталья. А что?

Андрей. Я и не думал об этом!

Наталья *(мужу)*. Ты никогда ни о чём не думаешь. *(Альберту.)* Почему это мы должны отказываться? Егор не ровен час жениться надумает!

Альберт. Погоди, вы говорили, у вас нет никакой возможности присматривать за дедом, поэтому...

Наталья. Уже нашли возможность! И заметь, ни про какие деньги ещё не знали! У нас были накопления – не такие, конечно, как у вас, мы люди небогатые. Мы сняли Алексею Петровичу квартиру, недалеко от нашего дома. За полгода вперёд заплатили.

Елена. Андрюша, ты мне не говорил... Наташа! Вы молодцы!

Наталья. Завтра утром едем деда забирать.

Егор. Мама! Ты сама...

Наталья (*перебивает*). Вот Егор как раз и помогал искать. Так что давайте договариваться по-честному. Мы за дедом ухаживаем – вы бумагами занимаетесь. Квартиру оформляем на Андрея и Лену – пополам. А Галина Алексеевна пусть отказывается. Что до расходов, мы свою часть внесли: квартиру сегодня снять, сами знаете, дорогое удовольствие.

Альберт. Наталья, ты меня поражаешь. Быстро сориентировалась.

Наталья. По-моему, справедливо. Согласны или нет? Можем и наоборот: мы и ухаживаем, и оформляем. Сами. И что, если подольше? Торопиться некуда. Риелторов полно, рано или поздно и дом продадим, и выплату оформим, и квартиру купим.

Альберт. Хватка у тебя, конечно, дай бог.

Елена (*берёт мужа за локоть*). Алик! О чём ты? Ребята сняли квартиру, ни про какое наследство и не думали! А мы...

Егор. Мать, тебе самой от себя не тошно?

Наталья. Помолчи! Не встревай!

Василий Васильевич. Нельзя так с матерью, Егорка. Нельзя! Она золотой человек, одна за всех нас колотится! Себя не жалеет.

Андрей (*Егору*). После поговорим. (*Альберту и Елене.*) Не обращайтесь внимания. Семейные разборки.

Елена. Понимаю.

Василий Васильевич. Нечего было при ребёнке.

Егор. Никакой я не ребёнок!

Андрей. Егор, правда, может, пойдёшь пока в маленькую комнату?

Наталья. А мы всё обговорим.

Внезапно раздаётся громкая музыка.

Елена (*подскочив на месте*). Ой, что это?

Андрей. Мой телефон. (*Берёт трубку.*) Слушаю.

Наталья. Звонок слишком громкий. Убавить надо, тоже постоянно вздрагиваю.

Андрей. Что?! Когда?

Все оборачиваются к нему, переглядываются.

Андрей. Понял. Спасибо. Сейчас приедем.

Медленно отводит трубку от уха.

Елена. Андрей?

Наталья. Кто звонил?

Андрей. Тётя Зоя. Дед Лёша умер.

Занавес.

